

Этому
задиристу
капитан-
лейтенанту
отдавали
честь
и матросы,
и адмиралы...

Он заставлял себя ПИСАТЬ ПРО ТО, ЧТО БОЛИТ

30 марта исполнится год, как не стало Виктора Конецкого

Шесть последних дней его рождения мы отмечали вместе, в его питерском кабинете на Широкой. Я бы сказал, что мы подружились, но боюсь этого слова: слишком высокую планку для него установил автор рассказа «Если позовет товарищ...».

— Записывай, все записывай! — тюкал он меня с первой встречи, когда я рассказывал, как попал в плен к чеченским мародерам. И как потом вернулся домой, где не знали, что я в Чечне. «Да это же самое интересное, как ты подходил к дому, как зашел в подъезд, как тебе дверь открыли! Что ты при этом чувствовал! Ты все это обязательно запиши», — втолковывал он.

Но надо быть Конецким, чтобы по-настоящему такое написать. Нужны ежедневные тренировки по выворачиванию себя наизнанку. А на такое способен, может быть, один из миллиона. Или два-три — из поколения.

Он заставлял себя писать про то, что болит.

Однажды я его спросил: «Почему Пушкин так мало написал о декабристах? Все-таки это были его близкие друзья».

Ждал любого ответа: про цензуру, про царя, про нежелание работать «в стол».

А он ответил: «О близких писать труднее всего». Он не осуждал Пушкина, он его понимал. Он ведь сам так и не заставил себя написать о матери.

Друзья Конецкого заставили себя вспомнить о нем. Книга воспоминаний скоро будет издана в Санкт-Петербурге. Отрывки из нее мы публикуем сегодня.

Игорь КОЦ.

Фото Павла МАРКИНА.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

КОНЕЦКИЙ Виктор Викторович. Родился 6 июня 1929 года. Окончил Первое Балтийское высшее военно-морское училище. Служил штурманом на аварийно-спасательных судах Северного флота. Капитан дальнего плавания. 14 раз прошел Северным морским путем. С 1956 года начал активно заниматься писательским трудом. Повести «Вчерашние заботы», «Соленый лед», «Среди мифов и рифов», «Морские сны» и другие переведены на многие языки мира.

Снятые по его и совместным сценариям фильмы «Путь к причалу», «Полосатый рейс», «Тридцать три» стали классикой отечественного кино.

Умер 30 марта 2002 года.

Достаточно сказать: «Конецкий» — и все поймут

Такие люди, как Конецкий, были солью нашего общества — солью горькой, морской, вызывающей у некоторых тошноту. Но без этой соли какой пресной была бы наша жизнь!

Появившись в конце пятидесятых — начале шестидесятых среди сотен официальных писателей тех лет он сразу занял место самого отчаянного, самого резкого, самого неуправляемого.

Думая о причинах оглушительной популярности его, понимаешь: он появился как глоток морского воздуха после затхлых комнат. И, почувствовав это, заговорил, как все в те годы хотели бы говорить — бесстрашно и весело, — но смог только он.

Он переживал годы обид, несправедливостей, замалчивания, непечатания, — но он успел хлебнуть вольного морского воздуха, и его уже было не усмирить. Он уже знал, что он замечательный писатель и что он — прав. И как художник, и как гражданин.

В те годы я уже робко заглядывался на писательское сообщество. И, Боже, как красиво Виктор Викторович переживал свою опалу: бурно, скандально, лихо! Иному успеху не так позавидуешь, как такой опале. Порой перепало от него и друзьям, болеющим за него... что делать, если враг в тот вечер не подвернулся, а подрались для поднятия духа было необходимо.

С гордостью скажу, что и я ощутил на себе жар его темперамента. Помню ресторанный столик, освещенный торшером, и горячий момент, когда мы в водовороте бурного литературного общения вдруг остались один на один.

«Ты кто такой? Ты почему сюда сел? — напирал на меня тощий и яростный Виктор Викторович. — Ты понимаешь, с кем сидишь? Я — Конецкий!»

Конецкому было чем дышать — за ним была мощь океана, любовь и поддержка моряков, людей мощных и суровых, таких же, как он. За прямомоту и честностью, за яростным взглядом, видевшим насквозь не только врагов, но и друзей, на Конецкого много раз обижались писатели и моряки, клаясь в ресторанах и каюткомпаниях отомстить ему за то, как он изображал их... но потом — прощали, понимая, что лучше, а главное — точнее, никто их не изобразит. Им, не шелковым, нужен был такой же Орфей.

Как ледокол, он ломал лед очередных политических «заморозков». Другому никогда не позволили бы писать так насмешливо, вольно, зло, но даже самые тупые чиновники в конце концов уступали, понимая, что Конецкий — это не просто так: в нем энергия ледового плавания по Северному морскому пути, в нем — сила русских моряков, без которой не прожить государству, и... выходила очередная его

книга, и вся Россия ликовала оттого, что она, оказывается, еще не погибла — в ней есть такие смелые, умелые, веселые люди, как Виктор Конецкий и его герои. Книжки его — «Завтрашние заботы», «Среди мифов и рифов», «Соленый лед» — приходилось доставать с помощью знакомых библиотекарей и продавщиц.

«Тема спасает!» — ворчали завистники. А ты сам бы пошел и покушал эту тему!

Кстати, чем закончилось наше противостояние с Конецким у ресторанный столика? Наверное, в Белом зале Дома писателей, в тот вечер шло писательское собрание... не шло, а плелось, спотыкаясь. Заглянув в зал, где сонное бормотание ораторов терпели лишь те, кому предстояло по должности выступить, настоящие люди спускались в буфет. И вдруг!

— Конецкий... Конецкий идет! Будет выступать! К трибуне идет!

Всех словно смыло из ресторана. Конецкий, справедливо решив, что не стоит тратить свою мощь на столкновение с каким-то мальчишкой, забыл обо мне и бросился в бой настоящий!

До этого полупустой зал мгновенно наполнился. Помню, стояли даже в проходах.

Такого слышать в том зале не приходилось!

— На Север везут гнилое мясо и дрянной спирт! Кругом воровство, обман!..

Зал замирал... потом аплодировал... и снова замирал.

Конецкий знал то, о чем говорил и о чем писал: все испытал на своей шкуре, на своих измочаленных нервах. Другого бы легко перебили, но не его: Конецкий не злопыхательствовал, а страдал, и обвинить его, в сущности, было не в чем — лишь в том, что он страдал больше других. Как это запретить?

Его пытались награждать... но на грудь его награды как-то «не прикалывались». Помню, на писательском собрании, в момент торжества демократии, его хотели выдвинуть депутатом чего-то. Виктор Викторович вышел на сцену мрачный:

— Я скажу невпопад, как всегда. Наверное, вас это удивит, но, если я стану депутатом, я буду добиваться увеличения советских военных баз по всему миру — считаю это одной из самых важных задач!

Зал замер. Такое сказать! В разгар «разрядки», которая многим из нас казалась тогда светлой сказкой. Но он знал, что говорил, и видел не ложунги, а реальную жизнь.

И никуда его, конечно, тогда не выбрали. Да и наград, со своим характером, он не набрал.

Зато у него есть главное. Достаточно сказать: «Конецкий» — и все поймут.

Валерий ПОПОВ.
Март 2003 г.

НОРД-КАП

В. Конецкому

Уходят таланты и бездарь
кругами волков и лисят.
Пора оглянуться над бездной,
когда тебе за шестьдесят.
Когда от дыхания юга
остался незнойный накат.
И словно на проводах друга
прощальным виденьем

Норд-кап*.

А дальше на север, а дальше,
за гранью свободной воды,
застывшие страсти

без фальши,

безмерные, вечные льды.

Кто плавал у этих отметок,
у жестких ледовых границ,
тот знает, как зыбок и едок
осады последних страниц.

И надобно без проволочек
не ждать безучастно, когда
тебя без любви проволочат
остывших пристрастий года.

И нужно, как в самом начале,
без драм и пожатий тугих,
на пиках прозренья, ногами
себе додавать за других.

Познавший забвенья науку,
проживший в тени и в чести,
постыдно всевластную руку
сильнее, чем должно, тряссти.

А преданно, снова и снова
морскими узлами вязать
свое беззаветное слово,
которое должен сказать.

Григорий ПОЖЕНЯН.

* Норд-кап — самая северная точка Европы.